

КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Резюме: Исследование проводилось на материале семейно-бытовых стереотипов азербайджанского, американского и русского этносов. Методом исследования выступала психосемантическая методика множественных идентификаций. Сопоставляя стереотипы русских и азербайджанских девушек можно отметить, что образы идеала азербайджанских девушек сдвинуты в семантическом пространстве к полюсу прошлого, в то время как у русских девушек образ идеала близок к ролевой позиции 'женщина через 20 лет'. В то же время образ личного идеала у азербайджанок несколько смещается в сторону будущего, а у русских несколько в сторону большей традиционности, что говорит как о существенном различии ценностей по оси прошлое – будущее, так и о некотором встречном движении в системе ценностей у азербайджанских и русских девушек. Система ценностей русских девушек в сравнении с американками оказалась несколько менее прагматичной. В целом психосемантическое исследование семейно-бытовых стереотипов выявило множество любопытных тенденций в гендерном менталитете.

Ключевые слова: психосемантика, гендер, стереотип, идеал, система ценностей

В качестве объекта нашего исследования была выбран Дагестан, как наиболее многонациональная республика Северного Кавказа, насчитывающая по переписи 2007 года 2658,6 тысяч жителей и могущая служить примером системных проблем переживаемых жителями Северного Кавказа. Республика Дагестан входит в состав Южного федерального округа Российской Федерации. Территория Дагестана составляет более 50 тысяч кв. км., ограничена с востока Каспийским морем и граничит с республикой Калмыкией, Ставропольским краем, Чеченской республикой, Грузией и Азербайджаном. Многонациональный состав населения Дагестана составляют (по нисходящей численности): аварцы, даргинцы, лезгины, русские,

¹ victor-petrenko@mail.ru

лакцы, табасараны, чеченцы, азербайджанцы, ногайцы, таты (горские евреи), рутульцы, агулы, цахуры и др. Конфессиональный спектр Дагестана представлен в основном исламом (более 2100 культовых организаций), имеются также христиане (русская православная церковь – 14 организаций, старообрядцы – 1, христиане-пятидесятники – 10, христиане баптисты – 7, свидетели Иеговы – 4, адвентисты Седьмого дня – 3, Армянская Апостольская церковь – 2, Евангельские христиане – 1 и иудаисты – 5 религиозных организаций (данные взяты из „Экономической энциклопедии регионов России: Республика Дагестан“ (2009)).

Особенностью Дагестана является высокий удельный вес сельского населения (около 60%), высокая рождаемость и высокий уровень безработицы. Проблемой является также чрезвычайно высокая плотность населения: 52,9 человека на 1 кв. км. (в среднем по России 8,3). Все эти факторы накладывают определенный отпечаток на экономику и менталитет населения, определяют повышенную проблемность этого региона. Так, на 75% экономика Дагестана является дотационной.

Мотивация и цели исследования

Гендерное поведение и связанная с ним система социальных и индивидуальных норм и запретов одна из важнейших сфер культуры в любом обществе, и потому она подробно регламентируется в любой религии в виде заповедей, предписаний, посланий и т.д., указывающих на то, что позволительно, а что нет делать внимательному сыну и храброму брату, достойному мужу и отцу семейства, скромной дочери, ласковой сестре, праведной жене и заботливой матери. Поэтому исследование гендерных стереотипов, присущих той или иной культуре, является важным компонентом анализа общественного менталитета и реконструкции этического правосознания (Митина, 1999; Антология., 2000; Введение., 2005; Петренко, 1987; Петренко, Карицкий, 2012). Помимо цели исследования гендерных стереотипов дагестанских женщин мы также хотели выявить и некоторые установки веротерпимости и межнациональных отношений, включив в опросник ряд суждений на эту тему.

Методика

В качестве диагностического инструмента использовалась психосемантическая методика „множественных идентификаций“ (Петренко, 1987; 1997; 2005; 2013; Митина, Петренко, 2000). В этой методике сопоставление различных личностных и стереотипных образов („ролевых позиций“ в тер-

минах Дж. Келли) проводится через атрибуцию (приписывание) тому или иному образу (социальному типу) определенных поступков, стилей поведения в предлагаемых обстоятельствах. Например: „насколько присуще типичной дагестанской женщине распоряжаться семейным бюджетом“, или „не выйти замуж, за возлюбленного, если против этого были родители“, или „выйти замуж за представителя другой национальности или веры“.

Для проведения данного исследования была составлена опросная матрица, включающая 11 ролевых позиций: „я сама“, две роли, имеющие положительную коннотацию, – „мой идеал женщины“ и „идеал женщины с точки зрения общества“, роль „презираемая всеми женщина“ с отрицательной коннотацией, образы ряда национальностей – „типичная дагестанка“, „типичная чеченка“, „типичная русская женщина“, „типичная американка“, образы женщин прошлого и будущего – „женщина 40 лет назад“, „женщина через 20 лет“, а также образ „глубоко верующая женщина“.

В качестве шкал-дескрипторов использовались 108 суждений, описывающих некие поступки в предлагаемых обстоятельствах. (Ряд поступков, таких как „быть лесбиянкой“ или „развестись с мужем, узнав, что он болен СПИДом“, в общем-то мало свойственных культуре выборки испытуемых, был обусловлен желанием сопоставить дагестанские данные с данными полученными на американской выборке, и в силу этого оставлен нами из предыдущего опросника, посвященного сопоставлению стереотипов американских и русских женщин (см.: Митина, Петренко, 2000; Petrenko, Mitina, 2010; Петренко, Митина, Карицкий, 2009).

Процедура опроса

Испытуемым предлагалось оценить по семибалльной шкале от +3 до –3, насколько тот или иной поступок свойственен той или иной ролевой позиции. Если данный поступок максимально соответствовал данной ролевой позиции, то необходимо была поставить +3 в соответствующей графе. Если с точки зрения испытуемого данная характеристика совершенно не соответствовала роли, то ставилось –3. Для промежуточных оценок использовались, соответственно, баллы от +2 до –2. Кроме того, каждый респондент анонимно отвечал на вопросы социально-демографического характера о возрасте, образовании, семейном положении, материальном достатке, вероисповедании.

Совместный комплексный анализ полученных данных позволяет определить и сопоставить системы ценностных ориентаций, норм и запретов, как на индивидуальном, так и на групповом уровне, специфику идентификации и оценить степень и особенности самовосприятия.

Испытуемые

В исследовании приняло участие 148 студенток филологического факультета педагогического университета, т.е. будущих учителей русской словесности. Такая выборка, конечно же, не репрезентативна относительно социального состава дагестанского населения. Тем не менее, в наших предыдущих исследованиях по кросс-культурному сопоставлению русских и азербайджанских девушек было показано, что семейно-бытовые стереотипы студенток Бакинского государственного университета оказались практически идентичными с семейно-бытовыми стереотипами азербайджанских мужчин – рабочих на нефтяных приисках, а стереотипы русских девушек совпадали со стереотипами русских мужчин и значительно отличались от азербайджанских женщин и мужчин. То есть внутри одного этноса представления о желаемом и должном в семейно-брачной сфере достаточно однородны даже для различных социальных групп. (Что, конечно, не может быть перенесено на другие области социального бытия.) Поэтому данные, полученные на студентках, при определенной доле погрешности, вызванной большей русифицированностью этих студенток в сравнении с общей массой населения, могут, тем не менее, отражать специфику менталитета дагестанского населения в области семейно-бытовых отношений, тем более что оценивая не себя („я сама“) или „свой идеал“, а „типичную дагестанку“, „типичную чеченку“, „типичную русскую“, „женщину 40 лет назад“ или „женщину через 20 лет“, они находятся, скорее, в позиции эксперта и дают, соответственно, экспертную оценку, в меньшей степени зависящую от собственных предпочтений.

Социально-демографическая структура выборки представлена в табл. 1. Выборка практически однородна по возрасту (от 19 до 21 года) и по семейному статусу (не замужем). Только одна испытуемая ответила, что она замужем и имеет детей.

Анализ усредненных ответов

В ходе первичной обработки были вычислены усредненные внутригрупповые оценки ролевых позиций по всем шкалам и дисперсии в этих оценках. Для каждой роли и поступка по t -критерию Стьюдента проверялась гипотеза о значимом отличии (в большую сторону) усредненного показателя от +1 и, наоборот, при усредненном отрицательном показателе проверялась гипотеза о значимом отличии (в меньшую сторону) усредненного показателя от -1. Этот анализ позволил нам выявить значимо положительные и значимо отрицательные тенденции в оценивании определенных поступков для определенных ролей. Совокупность поступков, усредненная

оценки которых для данной роли значимо отличается от +1 или -1, соответственно, позволяет создать семантический код этой роли.

Табл. 1. Социально-демографические характеристики выборки

Общее количество(человек)	148
МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ	
Низкое	6,8
Среднее	89,2
Высокое	2,7
не указано	1,4
ВОЗРАСТ	
Минимальный	17
Максимальный	23
Средний	19,65±,974
КАКУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ПАРТИЮ ПОДДЕРЖИВАЮ	
Единая Россия	60,8
КПРФ	5,4
ЛДПР	20,3
СПС	1,4
не указано	12,2
СТЕПЕНЬ УЧАСТИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ	
интересуюсь (слежу за СМИ)	45,9
участвую в выборах	27,0
не интересуюсь	23,0
не указано	4,1
НАЦИОНАЛЬНОСТЬ	
Аварка	30,4
Агулка	1,4
Азербайджанка	2,7
Даргинка	5,4
Кумычка	10,8
Лачка	2,7
Лезгинка	33,8
Нагайка	1,4
полулачка, полуаварка	0,7
Рутулка	1,4
Табасаранка	5,4
не указано	4,1
ИСПОВЕДУЕМАЯ РЕЛИГИЯ	
Ислам	81,1
Атеисты	4,6
не указано	14,3

Уже анализ „сырых“ данных по атрибуции поступков тем или иным ролевым позициям дает интересный материал по реконструкции этнического менталитета респонденток.

Так, например, можно выделить наиболее характерные поступки, приписываемые „типичной дагестанке“ дагестанскими девушками. Типичная дагестанка готова „посвятить свою жизнь семье и быть домохозяйкой“ (1,8). Она стремится „иметь высшее образование“ (1,35), работать в сфере воспитания и образования (1,57) или в сфере медицины (1,45), хотела бы выйти замуж за бизнесмена (1,15), политического функционера (1,19) или военнослужащего (1,16), но можно и за рабочего (1,04) и ученого (0,99). К возможности выйти замуж за фермера, относится более чем сдержанно (0,54). „Типичной дагестанке“ нашими респондентами приписывается желание „выйти замуж за глубоко религиозного человека“ (1,15), но отвергается для самих испытуемых (соответствующий балл для позиции „я сама“ – 0,45). Для типичной дагестанки достаточно высоко оценивается возможность „выйти замуж за человека другой национальности“ (0,80), но исключается вероятность выйти замуж за представителя другого вероисповедания (–0,54) или расы (0,28). Для „типичной дагестанки“ исключено „прожить жизнь не вступая в брак“ (0,96), „иметь добрачные половые связи“ (–1,04), „изменять мужу“ (–0,90), „не выходя замуж, родить и воспитывать ребенка одной“ (–1,16), „позитивно относиться к сексуальным меньшинствам“ (–1,24) и „употреблять наркотики“ (–0,99). Типичная дагестанка (с точки зрения наших респонденток) полагает, что «для наказания виновного и торжества справедливости необходимо личное участие пострадавшего или членов его семьи» (0,76). Она также готова „жить по религиозным законам“ (0,95), считает что „есть только одна истинная религия“ (0,40) и не согласна, что „разные религии – разные пути к Богу“ (0,16).

Для сопоставления приведем семантический код „типичной русской“ женщины (с позиции наших дагестанских респонденток). Типичная русская женщина „имеет высшее образование“ (1,56), работает в сфере медицины (1,59), бизнеса (1,57), науки (1,45), предпочитает работать в государственном секторе (1,75), а также в области искусства (1,62) и массовой коммуникации (1,31). Она готова выйти замуж за бизнесмена (1,61), политика (1,42), военнослужащего (1,22), за представителя массовой культуры (1,39), на крайний случай за ученого (0,88), но не за рабочего (0,26) и не за фермера (–0,26). Она хотела бы «выйти замуж за иностранца и уехать с ним жить за границу» (1,37), готова выйти замуж за человека другой национальности (1,31) или другой расы (0,61). Допускает возможность „находиться на содержании“ у состоятельного мужчины (1,27), „иметь добрачные половые связи“ (0,72), „изменять мужу“ (0,69), „позитивно относиться к сексуальным меньшинствам“ (0,35). По мнению испытуемых, она придерживается пацифистских убеждений (0,85) и готова выйти замуж за человека другого вероисповеда-

ния (0,61). Типичная русская не живет по религиозным законам (-0,21) и строит взаимные отношения в семье на принципах равноправия (1,00). Более того, типичная русская женщина (по мнению респонденток-дагестанок) может даже претендовать на роль главы семейства (0,85). Как и типичная дагестанка (1,22) типичная русская женщина уделяет много внимания своей внешности и здоровью (1,23). И та, и другая увлекаются кулинарией. (0,88).

Как видим, семантические коды типичной дагестанки и русской (с позиции дагестанских респонденток) содержат как сходные поступки, так и значительно отличающиеся. Мерой сходства ролевых позиций могут служить коэффициенты корреляции поступков атрибутированных им ролевым позициям. Операционально это корреляции столбцов матрицы данных. Ниже дается таблица корреляции ролевых позиций по поступкам атрибутированным этим ролям (табл. 2).

Как видно из таблицы корреляций, имеется высокая идентификация рефлексивной позиции „я сама“ дагестанских девушек с индивидуальным ($r=0,96$) и общественным ($r=0,94$) идеалом. Хорошо ли это, когда человек полагает себя близким к идеалу? Творческим людям обычно свойственно недовольство собой, внутренние кризисы и муки самореализации. Человек же, полагающий себя идеалом, обычно мало способен к саморазвитию. „Типичная дагестанка“ высоко коррелирует с образом „верующая женщина“ ($r=0,84$). Высока корреляция в стереотипах поведения у „типичной дагестанки“ и „типичной чеченки“ ($r=0,95$). С точки зрения наших респонденток, „типичная русская“ и „типичная американка“ ведут себя достаточно сходным образом ($r=0,89$), при том что отношение к ним у дагестанок достаточно амбивалентное. Так, образ „типичной русской“ и „типичной американки“ имеет корреляцию с образом „презираемой женщины“ (0,27) и (0,28) соответственно. Но при этом образ „типичной русской“ (как и образ „типичной американки“), тем не менее, коррелируют с образами „индивидуального идеала“ ($r=0,62$) и общественного идеала ($r=0,56$). „Типичная русская“ выступает для дагестанок неким ориентиром (маяком) будущего, высоко коррелируя с образом женщины будущего – „женщина через 20 лет“ ($r=0,88$). Однако образ женщины будущего („женщина через 20 лет“ не является для дагестанок однозначно положительным и их как общественный, так и индивидуальный идеалы коррелируют как с „женщиной 40 лет назад“ ($r=0,72$ и $r=0,71$), так и с „женщиной через 20 лет“ ($r=0,70$ и $r=0,74$).

Табл. 2.
Матрица интеркорреляций ролевых оценок

	Мой идеал женщины	Идеал женщины с точки зрения общества	Типичная русская	Типичная дагестанка	Типичная чеченка	Типичная американка	Женщина 40 лет назад	Женщина через 20 лет	Типичная верующая женщина	Презираемая в семье женщина
Я сама	0,96	0,94	0,51	0,82	0,77	0,49	0,74	0,63	0,68	-0,19
Мой идеал женщины		0,97	0,58	0,82	0,78	0,57	0,72	0,71	0,64	-0,24
Идеал женщины с точки зрения общества			0,63	0,82	0,78	0,60	0,72	0,74	0,60	-0,22
Типичная русская				0,31	0,26	0,89	0,20	0,89	-0,07	0,27
Типичная дагестанка					0,95	0,20	0,90	0,44	0,85	-0,31
Типичная чеченка						0,16	0,90	0,39	0,84	-0,31
Типичная американка							0,09	0,89	-0,16	0,28
Женщина 40 лет назад								0,29	0,84	-0,30
Женщина через 20 лет									0,08	0,15
Типичная верующая женщина										-0,40

Результаты обработки базы данных с помощью факторного анализа

Обработка данных с помощью факторного анализа проводилась методом главных компонент с ортогональным вращением (предварительное косоугольное вращение не выделило значимых корреляций между факторами). В результате факторизации было выделено три наиболее значимых фактора.

Первый фактор объясняет 40% общей дисперсии.

На одном из полюсов первого фактора находились следующие поступки, перечень которых с указанием факторной нагрузки (т.е. проекции вектора поступка на ось фактора) приводится ниже:

101	Жить по религиозным законам	0,83
83	Увлекаться кулинарией	0,82
79	Испытывать чувство тревоги за будущее свое и своих близких	0,82
38	Выйти замуж за любимого человека с очень низкими доходами без перспектив их увеличить	0,76
5	Работать в сфере воспитания и образования (воспитателем, учителем, и т.д.)	0,74
88	Быть непримиримой противницей абортов	0,74
1	Посвятить свою жизнь семье, быть домохозяйкой	0,73
82	Заниматься рукоделием (шить, вязать, вышивать)	0,73

24	Выйти замуж за простого человека, хорошего хозяина, живущего «земными» проблемами	0,72
58	В своем поведении руководствоваться традициями и нормами морали принятыми в обществе, в котором живет	0,69
86	Выполнять конкретную благотворительную работу в общественно-социальных организациях (интернатах, приютах, домах милосердия и т.д.)	0,69
78	Исповедовать какую-либо религию	0,65
105	Считать, что есть только одна истинная религия	0,65
66	Считать, что в воспитании детей главная роль принадлежит женщине	0,59

На противоположном полюсе первого фактора находились следующие поступки:

56	Изменять мужу	-0,99
72	Куриль сигареты	-0,99
74	Употреблять наркотики, транквилизаторы и т.д.	-0,99
73	Употреблять спиртные напитки	-0,98
65	Не выходя замуж, родить и воспитывать ребенка одной	-0,98
63	Не имея ни от кого поддержки, отказаться от ребенка в родильном доме	-0,98
95	Быть лесбиянкой	-0,98
64	Отказаться от ребенка-инвалида, оставив его в государственном учреждении	-0,98
57	Завести служебный роман	-0,98
32	Выйти замуж за представителя криминальных структур	-0,98
55	Иметь добрачные половые связи	-0,98
23	Заниматься проституцией	-0,97
62	Не иметь детей, полагая, что лучше прожить жизнь без них	-0,96
41	Жить в гражданском (официально не зарегистрированном) браке	-0,96
44	Развестись с мужем, получившим инвалидность	-0,96
75	Покончить жизнь самоубийством	-0,95
67	В случае развода отдать детей на воспитание мужу	-0,94
76	Временами испытывать желание переменить пол	-0,94
42	Находиться на содержании у состоятельного мужчины	-0,92
103	Выйти замуж за человека другого вероисповедания	-0,90
51	Быть главой семьи	-0,89
35	Выйти замуж за иностранца и уехать жить за границу	-0,86
94	Позитивно относиться к сексуальным меньшинствам	-0,85
77	Интересоваться мистическими и религиозными учениями	-0,84
61	Побыстрее выйти замуж, чтобы избавиться от родительского надзора и контроля	-0,83
47	Иметь в браке детей, развестись с нелюбимым мужем	-0,82
52	Иметь отдельные от супруга сбережения	-0,82

46	Не выходить замуж, полагая, что лучше прожить жизнь одной	-0,82
37	Выйти замуж за человека другой расы	-0,79
6	Работать в сфере торговли и услуг (продавцы, официанты, парикмахеры и т.д.)	-0,77
91	Терпеть дискриминацию по половому признаку со стороны государства, общества	-0,76
12	Иметь традиционно мужскую профессию (в армии, службе безопасности и т.д.)	-0,75
49	Терпеть насилие со стороны мужа по отношению к дочери (имеющей другого отца), оставаясь с ним в браке	-0,74
54	Допускать возможность того, что у мужа могут быть другие женщины	-0,71

Исходя из содержания поступков, вошедших в этот фактор, первый фактор был назван *фактором оценки* (см. рис. 1).

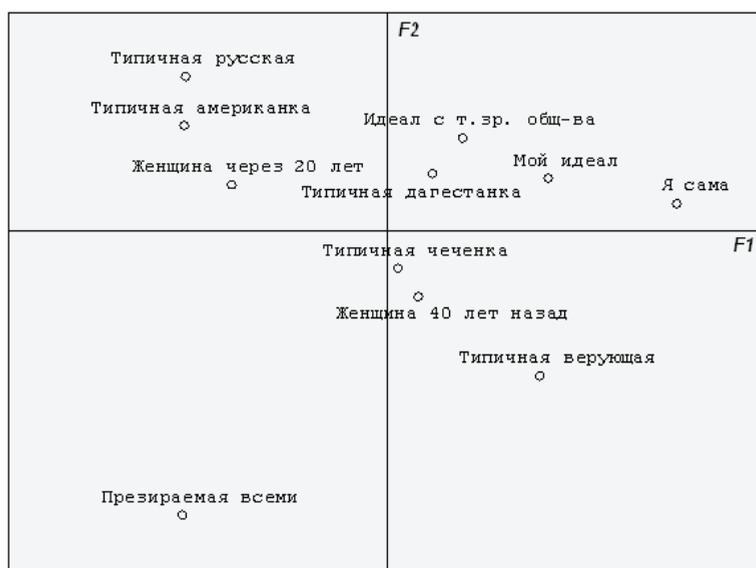

Рис. 1. Расположение ролевых позиций в семантическом пространстве

Проекция на оси:

F1 – Оценка,

F2 – Эмансипированность и европейский стиль жизни

Второй фактор объясняет 31% общей дисперсии и включает следующие поступки:

16	Работать в сфере массовой коммуникации (журналистом, редактором, диктором)	0,96
7	Работать в сфере науки	0,94

15	Работать в государственном учреждении	0,93
40	Выйти замуж за человека более высокого социального статуса	0,92
27	Выйти замуж за политического деятеля	0,92
84	Посвящать свободное время творческой деятельности, искусству	0,91
13	Работать руководителем (предприятия, организации, учреждения)	0,91
99	Придерживаться пацифистских убеждений	0,90
26	Выйти замуж за бизнесмена	0,89
19	Стать профессиональным политическим деятелем	0,89
92	Реально ощущать поддержку женщинам со стороны государства и общества	0,88
81	Заниматься спортом, туризмом	0,87
17	Работать в сфере искусства (актрисой, художником, писателем и т.д.)	0,87
8	Работать в сфере медицины (врачи, медсестры)	0,87
50	Строить взаимные отношения в семье на принципах равноправия	0,87
14	Иметь свой собственный бизнес	0,87
28	Выйти замуж за военнослужащего	0,86
68	Усыновить и воспитывать чужого ребенка	0,83
11	Работать в сфере бизнеса	0,83
31	Выйти замуж за "звезду"(спорта, эстрады, кино)	0,80
98	Быть патриоткой своей страны	0,79
21	Стать профессиональной спортсменкой	0,79
80	Уделять внимание своей внешности, здоровью	0,78
3	Иметь высшее образование или профессию высокой квалификации	0,76
2	Посвятить свою жизнь профессиональной карьере	0,75
102	Полагать, что поскольку религия и государство разделены, каждый человек должен сам решать, соблюдать ли религиозные нормы	0,73
36	Выйти замуж за человека другой национальности	0,73
87	Быть членом женской организации	0,73
22	Стать моделью, участвовать в конкурсах красоты	0,72
45	Развестись с мужем, узнав что он болен СПИДом	0,71
108	Полагать, что для наказания виновного и торжества справедливости необходимо личное участие пострадавшего или членов его рода	0,70
93	Считать, что государство должно осуществлять патерналистскую политику (поддержки) по отношению к женщинам	0,66
43	Развестись с мужем из-за того, что он алкоголик	0,64

Судя по содержанию пунктов опросника, вошедших в униполярный (т.е. однополюсный) второй фактор, он по сути своей также оценочный, хотя ортогонален (т.е. независим) первому фактору. Перечень пунктов опросника, таких как „получить высшее образование“, „иметь собственный бизнес“, „работать в сфере массовой коммуникации (журналистом, редактором, диктором)“, „уделять внимание своей внешности и здоровью“, „стать моде-

лю, участвовать в конкурсах красоты“, „выйти замуж за человека более высокого социального статуса“, „выйти замуж за 'звезду' (спорта, эстрады, кино)“, „посвящать свободное время творческой деятельности, искусству“ и т.п., позволяет интерпретировать второй фактор как положительно трактуемая эмансипированность и европейский стиль жизни. Назовем второй фактор – фактором „Эмансипированность и европейский стиль жизни“.

Третий фактор объясняет 13% общей дисперсии. Его полюс образуют пункты:

39	Выйти замуж не по любви, по настоянию	0,93
100	Разделять точку зрения о мужском превосходстве над женщинами	0,92
30	Выйти замуж за фермера	0,92
10	Работать в сфере сельского хозяйства	0,91
29	Выйти замуж за рабочего	0,88
20	Посвятить свою жизнь религиозному служению (в монастыре, секте)	0,85
18	Нигде не работать, рассчитывая на помощь родителей	0,83
59	Быть заранее согласной с выбором жениха, который сделают родители	0,81
48	Терпеть насилие со стороны мужа по отношению к себе, оставаясь с ним в браке	0,80
34	Выйти замуж за глубоко религиозного человека	0,80

Третий фактор был назван нами фактором „Традиционно-патриархальный стиль жизни“ (рис. 2).

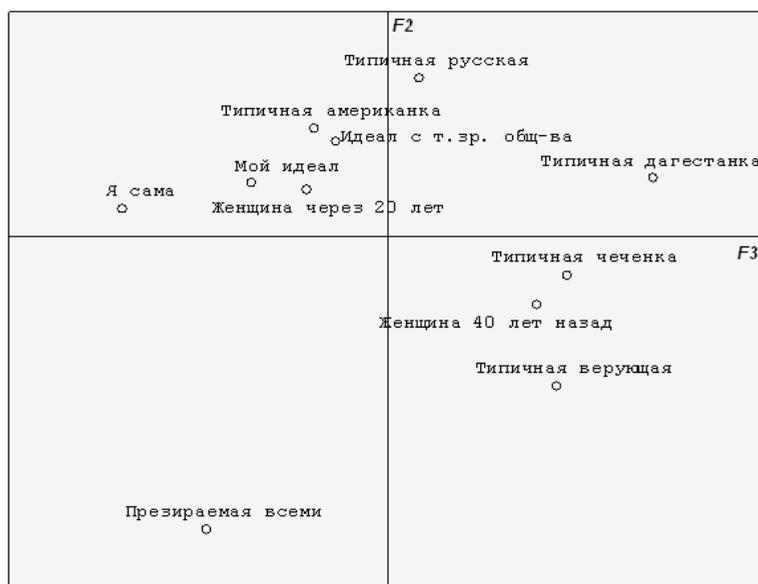

Рис. 2. Расположение ролей в семантическом пространстве

Проекция на оси:

F2 – Эмансипированность и европейский стиль жизни,

F3 – Традиционно-патриархальный стиль жизни

Обсуждение полученных результатов

Настоящее исследование имело, как уже упоминалось, несколько задач. В плане исследования гендерных стереотипов семенно-бытового поведения у дагестанских девушек можно отметить некоторую раздвоенность их обыденного сознания. Вектор ценностной ориентации („мой идеал“), если учитывать корреляционные связи ролевых позиций, направлен как в будущее („женщина через 20 лет“), так и в прошлое („женщина 40 лет назад“). Вектор будущего направлен на образы „типичной русской“ и „типичной американки“. Наши респондентки полагают, что образ „типичной дагестанки“ через 20 лет приблизится к ним. В тоже время, образы русской и американки (располагающиеся близко друг от друга в семантическом пространстве) имеют корреляцию, как с идеалом женщины, так и с „презираемой женщиной“.

Обращает также внимание резкая оппозиционность ролевых позиций „я сама“ и „типичная дагестанка“ по третьему фактору. То, что человек, переживая свою уникальность, не отождествляет себя со „средним“ или „типичным“ вполне закономерно. Например, в наших исследованиях проведенных на слепых испытуемых, респонденты с полной потерей зрения, полагали себя более сохранными и приспособленными к жизни, чем „типичные“ незрячие. А в исследовании, проведенном на хронических алкоголиках, никто из них не идентифицировал себя с „хроническим алкоголиком“. Любой человек полагает себя уникальным, ибо он смотрит на себя изнутри и видит больше, чем видит в других людях, так сказать, снаружи. Но полярная контрастность ролевых позиций „я сама“ и „типичная дагестанка“ по третьему фактору свидетельствует о некотором неприятии собственной культурной среды общения.

Высоко оценивая высшее образование, дагестанские девушки не прочь „посвятить жизнь семье и воспитанию детей, став домохозяйкой“. Престижными для них являются профессии, требующие высокой квалификации, и возможность собственного бизнеса. Негативно оценивается перспектива работы в сельском хозяйстве.

Дагестанские девушки высоко оценивают религиозность и не допускают ни для себя, ни для „типичной дагестанки“ возможность выйти замуж за представителя другой веры (как и другой расы, что, впрочем, удивительно, так как среди мусульман, как мы знаем, достаточно много африканцев). При этом их не интересуют религиозные или мистические учения. Они не

готовы „выйти замуж за глубоко религиозного человека“, что позволяет предположить, что их религиозность имеет, скорее, обрядово-бытовой характер и не имеет тех мистических корней, которые присущи суфийской традиции ислама, исторически исповедуемой в Дагестане.

Дагестанские девушки резко отрицательно относятся к социальным и сексуальным девиациям присущим современному западному обществу (гомосексуализм, употребление наркотиков и т.п.). Также негативно они относятся к практике аборт и не считают, что „решение об аборте – прерогатива самой женщины“. При этом они не готовы „терпеть дискриминацию по половому признаку со стороны государства“, „терпеть насилие со стороны мужа“ и „хотели бы строить взаимные отношения в семье на принципах равноправия“.

Помимо информации о гендерных стереотипах поведения дагестанских девушек наше исследование позволяет по ответам на косвенные вопросы оценить особенности социально-политического климата в Дагестане.

Хотя республика Дагестан относится к дотационным регионам и в ней высока безработица, сводить повышенную криминально-террористическую обстановку, проявляющуюся в республике, только к экономическому фактору представляется малопродуктивным. „Гораздо больше объяснений сложившейся ситуации можно получить, ознакомившись с культурно-идеологическими предпосылками конфликта на Северном Кавказе. Можно использовать обобщенное понятие 'кавказская культура'. Идеологическую и ценностно-мировоззренческую основу этой культуры составляет своеобразное сочетание традиционализма и ислама. Ислам в разных его вариациях одухотворяет современную (подчеркнем: именно современную) кавказскую культуру, интегрирует ее изнутри и в то же время обособляет от других культурных систем, например от тех, которые не основываются на религиозной идее. Идеология, основанная на исламе, превращается в национальную идею народов Кавказа, фиксируя и подчеркивая партикулярность данного региона, его особый статус в рамках Российской Федерации. Идеология единства всех мусульман, их императивная причастность к исламскому цивилизационному миру позволяет говорить не только о культурно-идеологическом, но и о цивилизационном обособлении мусульманского Северного Кавказа“ (Аксюмов, 2011, с. 265).

При этом, полагает А. Ганиева (2011), ислам в массовом сознании вовсе не тождественен тому глубокому религиозно-мистическому исламу, который породил великую исламскую цивилизацию средневековья, давшую миру великих мыслителей, ученых, поэтов. „Людей с глубокой культурой и достоинством все больше вытесняют пассионарные маргиналы-даги с раздвоенным или даже 'растроеным' сознанием. В одной и той же голове уживаются несколько моделей поведения: прозападная (охота за брендами, роскошные, фирменно 'посаженные' тюнингованные автомобили, ночная

жизнь, наркотики, активное поглощение поп-культуры и др.), поверхностно-исламская (ревностное соблюдение религиозных предписаний, поста и т.д.) и кавказская (остатки национального менталитета вроде почитание дома, старших, родственников, культ спартанской выносливости и физической силы и пр.) В итоге правила 'пикапа' и Коран легко соседствуют в одной библиотеке. Махачкала пестрит модной рекламой, которая перемежается большими плакатами-призывами 'Помни о смерти – разрушительнице наслаждений'. На заборах и стенах лозунги 'Нет законов, кроме законов Аллаха' соседствуют с призывами чатиться и знакомиться для интимных встреч. Иногда получаются странные вывески-гибриды типа 'В месяц Рамадан 50% скидок в салоне 'Визаж'' (Ганиева, 2011, с. 3).

В хлесткой, возможно несколько утрированной публикации А. Ганиевой схвачено то, что проявилось и в нашем исследовании на материале вроде бы наиболее успешных (по сравнению с ровесницами и ровесниками) дагестанских студенток, – некоторая раздвоенность, „кентавричность“ сознания, ориентированного на блага современного западного (а теперь уже и российского) общества, при акцентуации (как своего рода гиперкомпенсации) особого „кавказского менталитета“, ориентированного на бытовую обрядовую религиозность, скорее служащую национальным брендом, чем возвышающим духовным началом, а также повышенная конфликтогенность, обусловленная завышенной, но неустойчивой самооценкой (проявившейся в нашем исследовании в тождественности образов „я сама“ и „мой идеал“). Эта закономерность может быть перенесена и на мужское население. О близости и практическом совпадении мужских и женских стереотипов относительно того, „что такое хорошо и что такое плохо“, выявленных в наших предыдущих исследованиях уже упоминалось выше (см.: Митина, Петренко, 2000). Судя по всему, беда молодых жителей Дагестана в том, что старая патриархальная культура их предков оказалась за советское и особенно постсоветское время в значительной мере утраченной, а полноценное европейское образование и культура, идущие из России и Европы, не допущены, как по причине клановости и коррупции в самой республике, так и по причине уменьшения влияния России в этом регионе в силу ослабления самой России и отсутствия дальней стратегии в ее кавказской политике.

„Уровень социально-экономической развития региона, безусловно, ниже, чем в наиболее развитых субъектах Российской Федерации, в том числе у соседей по Югу России (Краснодарский край, Ростовская область), однако вполне сопоставим с уровнем развития многих регионов страны. Полномочный представитель президента в СКФО А.Г. Хлопонин в ответ на расхожие утверждения о том, что терроризм на Северном Кавказе обусловлен безработицей, заметил, что уровень безработицы здесь не выше, чем в других регионах страны. Тем не менее, в других регионах конфликтогенная активность и тем более ежедневные террористические риски несравненно ниже, а если они

там все же присутствуют, то чаще всего имеют 'кавказский след'. Иными словами, социально-экономическая детерминация в данном случае не срабатывает. Очевидно, что уровень промышленного производства низок не только на Северном Кавказе и проблема безработицы характерна не только для данного региона. Корректно ли в таком случае выводить конфликтогенный потенциал Северного Кавказа из кризисного состояния социально-экономической ситуации, а тем более только из этого фактора?" – задается вопросом Б. В. Аксюмов (2011, с. 265).

Более адекватное объяснение сложившаяся ситуация находит в культурно-идеологических предпосылках конфликта на Северном Кавказе. Сочетание традиционализма и ислама создает современную основу кавказской культуры, консолидируя ее изнутри и отделяя от неисламской и некавказской культуры. Национальной идеей народов Кавказа становится идеология, основанная на исламе, формирующая не только идейное, но и цивилизационное его обособление. В этом контексте идеи евразийства как исторической, экономической и культурной общности бывших регионов Российской империи в их объединяющей ипостаси (а не в противопоставлении Западу) могут стать идеологической контроверзой сепаратизму и религиозному фундаментализму на Северном Кавказе.

Литература

- Аксюмов, Б. В. Диалог культур на северном Кавказе в условиях глобализации: проблемы и возможности // Диалог культур в условиях глобализации. XI Международные Лихачевские научные чтения. СПб., 2011. С. 264–266.
- Антология гендерной теории / под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой. Минск, 2000.
- Введение в гендерные исследования / под общ. ред. И. В. Костиковой. М., 2005.
- Ганиева, А. Горская истина // Московский комсомолец. 16 августа 2011 г. С. 3.
- Митина, О. В. Исследования женского гендерного поведения в социальном и кросс-культурном аспектах // Общественные науки и современность. 1999. № 1.
- Митина, О. В., Петренко, В. Ф. Кросс-культурное исследование стереотипов женского поведения в России и США // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 68–86.
- Петренко, В. Ф. Психосемантический подход к этнопсихологическим исследованиям // Советская этнография. 1987. № 3.
- Петренко, В. Ф. Основы психосемантики. М., 1997.
- Петренко, В. Ф. Основы психосемантики. СПб., 2005.
- Петренко, В. Ф. Многомерное сознание. М.: Эксмо, 2013.
- Петренко, В. Ф., Карицкий, И. Н. (ред.) Евразийская ментальность. М.: Информполиграф, 2012.

Петренко, В. Ф., Митина, О. В., Карицкий, И. Н. и др. Образ России глазами россиян и иностранцев. М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2009.

Экономическая энциклопедия регионов России: Республика Дагестан. М., 2009.

Petrenko, V. F., Mitina, O. V. Psychosemantics Approach to Studying Gender Role Attitudes // Psychology in Russian: State of the Art / eds. Yu. Zinchenko, V. Petrenko. М., 2010. P. 350–411.

Viktor F. Petrenko

CROSS-CULTURAL STUDY OF GENDER STEREOTYPES

Summary

The study was conducted on the material of family stereotypes of Azerbaijani, Russian and American ethnic groups. Research method advocated Psychosemantic method of multiple identities. Comparing stereotypes Russian and Azerbaijani girls may be noted that the images of the ideal of Azerbaijani girls shifted in the semantic space to the pole of the past, while the Russian girls image of the ideal position close to the role, 'a woman in 20 years'. Nevertheless, the image of a personal ideal of Azerbaijani women have shifted somewhat toward the future, while the Russian side in a few more traditional. Says that as a substantial difference between the values on the axis of the past – the future, and about a counter movement in the value system of the Azerbaijani and Russian girls. The system of values of Russian girls, compared with Americans was somewhat less pragmatic. Overall Psychosemantic study of family patterns revealed many interesting trends in gender mentality.

